

А. А. Чувьюров
ИСКУССТВО БЫТЬ СОБОЙ
(воспоминания о К.В. Чистове)

На основе рассказов К.В. Чистова рассматривается петрозаводский период его биографии; воспоминания автора дополняют картину сотрудничества К.В. Чистова с карельскими и коми этнографами и фольклористами. Автор также приводит интересные факты из академической жизни К.В. Чистова.

Ключевые слова: этнографы, академические практики, карельская этнография, фольклористика, коми этнография, Петрозаводск, Ю.Ю. Сурхаско, Е.М. Мелетинский, Антти Тимонен, Ю.В. Гагарин.

Alexander A. Chuvjurov
ART TO BE ONE SELF
(memories of K. V. Chistov)

On the basis of K.V. Chistov's stories the Petrozavodsk period of his biography is considered; memoirs of the author supplement a picture of cooperation of K.V. Chistov with Karelian both the Komi ethnographers and specialists in folklore. The author also gives the interesting facts from the academic life of K.V. Chistov.

Keywords: ethnographers, academic practices, Karelian ethnography, folklore studies, Komi ethnography, Petrozavodsk, Yu.Yu. Surkhasko, E.M. Meletinsky, Anti Timonen, Yu.V. Gagarin.

Название своей статьи — «Искусство быть собой» — я позаимствовал у психолога Владимира Львовича Леви [Леви 1973], которое, как мне кажется, как нельзя лучше подходит к биографии Кирилла Васильевича Чистова. Кирилл Васильевич жил в трудное время, которое предъявляло жесткие требования к человеку, нередко ставя его перед непростым выбором — честь и порядочность или собственное благополучие. Далеко не всем в это непростое время удавалось сохранить верность собственным идеалам и принципам.

На долю Кирилла Васильевича выпало много тяжелых испытаний: война, студенческий партизанский отряд, плен, кампания по борьбе с космополитизмом, которая непосредственно затронула его учителя — известного филолога и фольклориста Марка Константиновича Азадовского [Чистов 2006: 115–120, 136–142]. В этих сложных условиях Кирилл Васильевич остался верен своим жизненным принципам.

Конечно, время тоже наложило свой отпечаток на его работы, но существовали определенные моральные границы, которые, по его мнению, невозможно переступить.

Мое общение с Кириллом Васильевичем продолжалось на протяжении 13 лет, с 1994 по 2007 г. Поначалу я чувствовал себя крайне скованно. Но умение Кирилла Васильевича выстраивать общение заключалось в том, что спустя некоторое время рушились рамки и устанавливались доверительные отношения.

С самого начала общения круг тем для наших бесед, которые поднимал Кирилл Васильевич, не ограничивался только диссертационными вопросами. Это были разговоры о шестидесятниках (А.А. Вознесенский, Р.И. Рождественский, Е.А. Евтушенко, Б.А. Ахмадулина, Давид Самойлов, А.С. Кушнер и др.), авторской песне (А.А. Галич, Б.Ш. Окуджава, В.С. Высоцкий и др.) и о многом другом.

Конечно, Кирилл Васильевич не всегда соразмерял, насколько я готов к таким беседам. Нельзя сказать, что я был совсем невинен — имена многих писателей и поэтов, о которых он говорил, были мне знакомы, но не настолько хорошо я был знаком с их творчеством, чтобы полноценно поддерживать эти диалоги. Часто во время бесед с Кириллом Васильевичем я вспоминал реплику моей тети Насти, Анастасии Давыдовской: «У меня четыре класса обра-

зования, остальное — коридоры». У меня классов, конечно, было больше, но коридоров оказалось тоже достаточно...

Часто беседы начинались с обсуждения литературных новинок в журналах «Звезда» и «Иностранная литература». Помимо отечественной литературы он много говорил о немецкой послевоенной литературе (писатели, входящие в «Группу 47», — Г. Бёлль, Г. Грасс, И. Бахман и др.). Интерес к немецкой послевоенной литературе был обусловлен не только художественными достоинствами этих произведений, но и вопросами, которые там поднимались. Для него, как и для поколения, которому выпало пережить войну, была очень важна эта тема: Вторая мировая война — крах, гуманитарная катастрофа европейской цивилизации. Оказалось, что ценности европейской культуры не столь прочны. Европейский обыватель перед выбором жизни и смерти предпочитал свободе отстаивания европейских христианских ценностей конформизм, соглашательство — комфорт и уют в своих буржуазных гнездышках.

Среди важнейших качеств Кирилла Васильевича я бы отметил порядочность. Вспоминается такой случай. В конце 2002 г. в диссертационном совете МАЭ РАН должна была состояться защита работы по старообрядчеству. Где-то за неделю до защиты я по рассылке получил автореферат этой диссертации. После ознакомления с авторефератом у меня появились некоторые замечания. Я решил, что пойду на защиту диссертации и приму участие в обсуждении. Кирилл Васильевич в это время находился в Академической больнице (Санкт-Петербургская клиническая больница РАН, пр. Торе-за, д. 72).

Предварительно договорившись о встрече, я поехал к Кириллу Васильевичу. Уже в палате он кивнул на стол, где лежал аналогичный экземпляр автореферата, и сказал:

— Вот передали. Я думаю, Вам интересно будет послушать.

Я ответил, что мне тоже прислали автореферат диссертации.

— Сходите поддержите коллегу. Подчеркните, в чем актуальность изучения старообрядчества сейчас, — сказал Кирилл Васильевич.

Я поделился некоторыми своими впечатлениями о реферате, сказал, что собираюсь пойти на защиту и принять участие в обсуждении. Обычно деликатный Кирилл Васильевич меня прервал:

— Не надо никого душить. Ваша работа тоже безупречна, в ней немало изъянов. Важно поддержать, помочь, — и Кирилл Васильевич рассказал одну историю из своей жизни: — Известный филолог опубликовал в одном немецком филологическом журнале статью о состоянии провинциальной фольклористики в России, СССР. И в качестве примера привел работу молодой исследовательницы из Удмуртии, которая все русско-удмуртские фольклорные параллели свела к заимствованиям. Он, этот известный филолог, в своей статье едко и зло высмеял ее работу. Мы не были с ним дружны, но когда доводилось встречаться на конференциях, общались, обсуждали общие темы. И вот спустя какое-то время мы с ним встретились на одной конференции. Он подходит ко мне, здоровается, протягивает руку. А я ему отвечаю: «Я не могу подать Вам руки». Он спрашивает: «А что случилось?» Я ему напомнил о его статье в немецком журнале и сказал, что он выбрал соперника не по стати: «Она никогда не прочитает Вашу злобную статью, но даже если бы и прочитала, она не сможет Вам ответить. Это низко!»

Он замялся, а потом после паузы сказал, что действительно переборщил, поступок его и, правда, получился некрасивым, а потом после еще одной паузы обратился ко мне: «У меня к Вам будет одна просьба: мне бы не хотелось, чтобы история стала известна моей жене и кому-нибудь из близких мне людей». — «Можете об этом не беспокоиться, я избегаю подобных поступков» — ответил я.

Рассказав эту историю, Кирилл Васильевич обратился ко мне:

— Я Вас очень прошу сходить и поддержать коллегу, а в кулуарах поделиться с ним Вашими замечаниями, тем, что Вы мне сейчас рассказали. Не надо никого душить, — повторил Кирилл Васильевич, — надо помогать своим коллегам, поддерживать их. Если же Вы по какой-либо причине не готовы выступить с поддержкой, то воздержитесь от выступления.

Так мы с Кириллом Васильевичем и договорились. Я решил, что схожу на защиту диссертации, но участия в обсуждении принимать не буду, воздержусь от каких-либо комментариев на заседании защиты. Но так сложились обстоятельства, что я не смог приехать на защиту.

Спустя некоторое время я вновь приехал в больницу на проспекте Тореза. Предварительно я позвонил Елене Борисовне Чисто-

вой, чтобы узнать, как себя чувствует Кирилл Васильевич. Елена Борисовна сказала, что состояние Кирилла Васильевича стабильное, но во время последнего посещения у него была температура, хотя врач сообщил, что накануне у него все было нормально. К нему кто-то приходил, сказала Елена Борисовна, но Кирилл Васильевич не стал говорить кто. Наверное, он переволновался, поэтому у него поднялась температура.

Я не признался Елене Борисовне, что человек, который приходил к Кириллу Васильевичу и после разговора с которым, возможно, у него поднялась температура, был я.

Когда я приехал в больницу к Кириллу Васильевичу, он с порога спросил у меня про защиту. Я сказал, что по рассказам защита прошла успешно, но я не смог приехать на заседание.

Выслушав меня, Кирилл Васильевич сказал:

— Я за Вас очень волновался. У меня даже поднялась температура, — и после паузы добавил: — Я не хотел Вас терять.

В этой фразе («Я не хотел Вас терять») мне открылся другой Кирилл Васильевич: для него, внешне мягкого и деликатного, были четко очерчены морально-этические границы, которые не должен переступать ни один порядочный человек. Я подумал, что если бы я переступил не вполне видимую границу, то наше общение, возможно, прекратилось бы.

Внешние обстоятельства не служили для него оправданием непорядочных поступков, и здесь он не делал скидку на время.

Помню, когда я принес введение к своей диссертации, у нас зашел разговор о сыктывкарском этнографе Ю.В. Гагарине:

— Нужно сказать о заслугах Гагарина, что им был выявлен архивный материал по этой теме, проработаны дореволюционные публикации, в том числе и из малодоступных изданий. Необходимо также подчеркнуть, что Гагариным в 1960-е годы были проведены полевые разыскания в районах проживания коми старообрядцев. Надо подчеркнуть, что его полевые материалы сохраняют большую ценность, но следует отметить, что результаты социологического опроса, который он приводит в своих работах, не вызывают доверия: в условиях антирелигиозных преследований данные опросы не могли дать достоверных результатов (многие не хотели и боялись признаваться в своей религиозной принадлежности).

Нужно также отметить, что в его работах чувствуется отпечаток времени: старообрядчество рассматривается под знаком воинствующего атеизма — явное преувеличение темноты и консерватизма старообрядчества. Понятно, что для того времени это было характерно. Тогда такие были условия, и он старался подыгрывать этим условиям.

После паузы Кирилл Васильевич добавил:

— Надо различать палачей и жертв. Не в том буквальном смысле, не в прямом — палачи и жертвы, а когда сам палач является жертвой. Одно дело, когда человек сам делает это охотно, добровольно, так сказать, или он жертва определенных обстоятельств (личных и внешних). Конечно, такую грань провести непросто. Иногда палачами становились под внешним принуждением, по слабости — чаще всего из страха за себя, своих близких. И некоторые таким образом становились палачами, участвовали во всяких карательных акциях, пытались доказать свою верность режиму, опасаясь, что в противном случае в отношении них или их родных будут применены какие-то репрессии. Но некоторые становились палачами без всякого внешнего принуждения: имели к этому внутреннюю склонность — испытывали удовольствие, когда кого-то истязали. Тогда была определенная установка в обществе — крайне агрессивно писать о религии. Но не все следовали этим установкам: новосибирские археографы, московские и наши, из Пушкинского Дома, пытались подчеркнуть положительную роль церкви, христианства в становлении древнерусской литературы, книжности, ту роль, которую играли монастыри в сохранении непрерывности этих традиций. Гагарин же, как мне казалось, находил удовольствие в резких нападках на церковь.

Особое место в жизни Кирилла Васильевича занимал Петрозаводск, в котором он прожил 14 лет (1947–1961). Он часто вспоминал петрозаводский период своей жизни, своих коллег и друзей-петрозаводчан. Помню, в 1999 г., во время очередных Рябининских чтений, Кирилл Васильевич попросил меня прогуляться с ним по городу. Мы тогда жили в пансионате «Белые ключи». Во время этой прогулки Кирилл Васильевич вспоминал разные истории из своей петрозаводской жизни: сложный период, связанный с кампанией по борьбе с космополитизмом, Елеазара Моисеевича Мелетинского,

петрозаводских писателей и поэтов. Помню, рассказывал про поэта Антти Тимонена, что его в шутку называли антипоэт. Потом была история про финского поэта, который единственный из финской секции местного отделения Союза писателей остался на свободе, в то время как другие были арестованы и находились в местах заключения. И этот единственный оставшийся на свободе финский поэт, как рассказывал Кирилл Васильевич, сам пошел в местный отдел КГБ и предложил его арестовать, так как по городу ходят слухи, что он писал доносы на своих товарищей. Но его прогнали. Фамилию этого поэта я сейчас не могу вспомнить, возможно, эта история была продолжением рассказов про Антти Тимонена. Об этой истории Кирилл Васильевич упоминает в своей книге воспоминаний «Забывать и стыдиться нечего», но и здесь не приводится фамилия этого поэта [Чистов 2006: 146].

— Сложное тогда было время, — подытоживая свои рассказы о петрозаводском периоде, сказал Кирилл Васильевич. — Был такой анекдот, сочиненный в сталинские времена. Привозят в лагерь заключенного. Охраннику он понравился, и тот участливо спросил заключенного: «За что, милоч, посадили?» Тот отвечает: «Ни за что!» А охранник, озлобившись, говорит: «Врешь, гад, ни за что 25 лет дают, а тебе дали только 15».

Потом, наверное, чтобы переключиться от этих грустных историй, Кирилл Васильевич спросил меня:

— А Вы знаете, почему расформировали Карело-Финскую ССР?

Я судорожно стал вспоминать все, что знал о Карело-Финской ССР. Вспомнил, что расформирование происходило во времена Н.С. Хрущева и что связано оно было с тем, что советское правительство пыталось установить добрососедские отношения с Финляндией.

Кирилл Васильевич выслушал мои сбивчивые объяснения, улыбнулся и сказал:

— Ну, Вы не совсем правильно рассказываете. Дело в том, что накануне этих событий провели перепись, во время которой выяснилось, что в Карело-Финской ССР всего два финна — фининспектор и Финкельштейн. Позднее выяснилось, что это одно и то же лицо.

Поскольку мое лицо оставалось эмоционально непроницаемым, Кирилл Васильевич, улыбнувшись, пояснил: «Это анекдот».

Он обладал особым чувством юмора, с юмором же относился к своему возрасту. Однажды я навестил Кирилла Васильевича, когда он находился в пансионате РАН в г. Пушкине (Павловское шоссе, д. 93). Во время нашей прогулки Кирилл Васильевич указал на табличку с номером дома:

— Вы знаете, что означает эта цифра на табличке?

— Это адрес дома по Павловскому шоссе, — ответил я.

— Но это Вы так думаете, а как говорит Елеазар Моисеевич (Мелетинский. — А.Ч.), это средний возраст проживающих здесь постояльцев.

Кирилл Васильевич умел ценить дружбу и, помимо различных дарований, обладал одним из редких талантов, о котором пишут Аркадий и Борис Стругацкие в своей повести «Волны гасят ветер»: «Не каждому дано быть добрым, это такой же талант, как музыкальный слух или ясновидение, только более редкий». У него было особое педагогическое наитие воспитателя: душевная сердечность и мягкость. Он умел находить нужное слово, которое наиболее эффективно воздействовало в том или ином случае.

За это его любили ученики и коллеги. Доверительные отношения со своими учениками у Кирилла Васильевича не заканчивались с защитой диссертации, а продолжались и после, с годами становясь лишь крепче. То, с какой любовью ученики относятся к своему учителю, я увидел в 1999 г. на Рябининских чтениях в Петрозаводске. Когда мы уезжали, то наш автобус приехал на вокзал с некоторым опозданием. Шел проливной дождь. И как только мы вышли из автобуса, из пелены дождя появился Юго Юльевич Сурхаско, который специально приехал, чтобы еще раз увидеть своего любимого учителя. Поговорив с Кириллом Васильевичем, Юго Юльевич отозвал меня в сторону и попросил, чтобы я побыл рядом с Кириллом Васильевичем, помог, если потребуется помощь.

— «Старик» меня сегодня испугал, — сказал Юго Юльевич. (На закрытии конференции Кирилл Васильевич споткнулся и упал, когда поднимался на сцену.) — С ним все в порядке?

Я заверил, что это всего лишь эпизод, а так все в порядке.

— Проследи, чтобы все было в порядке, — шутливо пригрозил мне пальцем Юго Юльевич.

С такой же любовью Кирилл Васильевич относился к своим ученикам. Он обладал редким даром — радоваться успехам своих коллег, быть небезучастным к их личной жизни и проблемам, всегда прийти на помощь.

Библиография

Леви В.Л. Искусство быть собой. М.: Знание, 1973. 160 с.

Чистов К.В. Забывать и стыдиться нечего...: Воспоминания / [лит. обраб., ред. и прим. Т.Г. Ивановой и Ю.К. Чистова]. СПб.: МАЭ РАН, 2006. 240 с.

References

Levi V.L. *Iskusstvo byt' soboi*. Moscow: Znanie, 1973. 160 p.

Chistov K.V. *Zabyvat' i stydit'sia nechego...: Vospominaniia* [lit. obrab., red. i prim. T.G. Ivanovoi i Ju.K. Chistova]. St.-Petersburg: MAE RAN, 2006. 240 p.